"Ты думаешь, я не буду?" спросила Жасмин молодого человека, сидящего на ее диване.

Малкольм одарил маму своего лучшего друга ленивой улыбкой. "Ни за что на свете".

Жасмин ненавидела эту ухмылку. Ненавидела за то, что он ей так нравился. Ненавидела за то, что ей хотелось содрать улыбку прямо с его лица. В нерегулярные визиты Малькольма, когда он приезжал домой из колледжа, словно загоралась какая-то лампочка. Она чувствовала что-то сырое и первобытное, чего не понимала. Малькольм не был уродливым, но и красавцем его назвать было нельзя. В свои двадцать с небольшим лет он был просто душкой, не толстый, не худой, ничего особенного. Но то, как он смотрел на нее, пожирая глазами, вызывало у Жасмин желание затащить его в спальню и не переставая трахать. А еще было то, как на него смотрели девочки его возраста. Шептались о нем. Хихикали над ним. Но не на него. Они смотрели на Малкольма с тайными улыбками, такими, что женщине хотелось узнать, чему они улыбаются.

Для любого стороннего наблюдателя это была бы странная пара. В свои тридцать с небольшим Жасмин была по определению "горячей мамой". Она занималась в спортзале каждую неделю, чтобы сохранить подтянутую талию и упругую попку. Мужчины всегда в первую очередь обращали внимание на ее сиськи, но, взглянув на ее невинное лицо, они понимали, какая она на самом деле зайка. Жасмин знала это, и ей это нравилось. Ей нравилось быть самой сексуальной мамой на распродажах выпечки, на играх, на рабочих мероприятиях мужа. Ей нравилось, что мужчины пускают по ней слюни.

Но никто из них, даже ее муж Фрэнсис, не заставлял ее так мокнуть, как Малкольм Уильямсон, и она понятия не имела почему.

Зато она знала, почему он дома. Это был их особенный день, и он выпал на выходные. С тех пор как Малкольм начал общаться с Лорен, когда они были еще детьми, он разделял с Жасмин любовь к апрельским розыгрышам. Они вдвоем были единственными в своих семьях, кто не считал этот праздник занозой в заднице. Все началось с малого. Малкольм купил спрей от пердежа - ему тогда было двенадцать - и обильно обрызгал им водительское сиденье в машине Жасмин. Она положила в его рюкзак фальшивого, но реалистично выглядящего паука, из-за которого он чуть не описался в школе, когда нашел его.

На следующий год он достал ее тем, что пришел к ней накануне вечером, якобы чтобы потусоваться с Лорен и поиграть в игры, а на самом деле чтобы добавить кайенский перец в блендер. В то время Жасмин была в восторге от смузи, и когда на следующее утро она приготовила его, то получила чертовски приятный сюрприз. Она отомстила ему за это, приехав в школу и подкупив свою подругу Мэй в кабинете директора, чтобы та впустила ее в его шкафчик. Она наполнила его плюшевыми животными и оставила на двери записку: "Я знаю, что тебе иногда бывает страшно, поэтому я оставила тебе друзей, чтобы они составили тебе компанию. Обними одного, и все твои проблемы уйдут!". Он позвонил ей через двадцать минут и так смеялся, что чуть не расплакался.

Так продолжалось все годы, пока ему не исполнилось восемнадцать, и игры превратились в ежегодные забавы. В тот апрельский день дурака, когда Лорен играл в гольф со своим отцом, к ним зашел Малькольм. Выпив третий бокал вина за вечер, Жасмин была приятно навеселе и

сказала ему, что разочарована тем, что в этом году не было никаких розыгрышей. Малкольм сказал ей, что он был одурачен, и, по правде говоря, она тоже. Тогда он предложил вместо этого поиграть. Она подумала, что он имеет в виду настольную или видеоигру, но нет, у Малкольма была другая идея. Правда или желание, но за прошедшие годы это всегда были задания.

Тогда были ограничения. Малкольм попросил показать грудь Жасмин с хмельной ухмылкой, а она его отшила. Но к концу ночи она согласилась прыгнуть на батут в обтягивающем танке, и он смотрел, ошеломленный и такой твердый к тому времени, когда она закончила, что он понял, что ему должно быть больно. Это заставило ее хихикать, и втайне мысль о том, что восемнадцатилетний парень хочет ее так сильно, тоже немного заводила ее.

Потом начался колледж, и то смутное семя влечения, посаженное в тот апрельский день дурака, переросло в нечто большее, что-то более темное, более срочное. С каждым визитом Жасмин все труднее было вспоминать о святости клятвы, данной Фрэнсису. Она видела Малкольма, видела безудержную похоть в его умных глазах, и туман желания проносился в ее сознании. Они пропустили прошлогодний апрельский розыгрыш, так как он учился в колледже, и он был в будний день. Но это не помешало Малкольму написать ей сообщение и сказать, что они должны продолжить игру. Она ответила просто: "Как?", прекрасно зная, что он захочет получить фотографию ее груди или задницы.

"Сделай для меня что-нибудь сексуальное", - ответил он.

"Маленький извращенец", - написала Жасмин в ответ.

"Ага".

Это ее рассмешило. Она собиралась проигнорировать его просьбу и оставить все как есть, но весь день она думала об этих словах - сделай для него что-нибудь сексуальное. То, что он так командовал ею, возбуждало. Если она думала об этом слишком долго, то неизбежно начинала думать о большем, о Малькольме в его комнате в общежитии, дрочащем на нее, на ее задницу, на ее сиськи, на ее улыбку. И когда Жасмин начинала идти по этому пути, ее охватывал головокружительный жар, от которого она становилась такой мокрой, что думала только о том, как бы прижаться к нему. К позднему вечеру она не успела ничего сделать и бесстрастно смотрела на свой компьютер, когда наконец сказала, что к черту все, и пошла в ванную, чтобы натянуть блузку и сфотографировать свои сиськи в лифчике. Ничего особенно сексуального не получилось, поэтому она повернулась в профиль к зеркалу, подняла блузку и сделала такое лицо, будто только что кончила. Это было оно. Это был тот самый случай. Прежде чем Жасмин успела подумать об этом слишком долго, она отправила его Малкольму со словами: "А теперь сделай для меня что-нибудь сексуальное".

Предсказуемо, он прислал ей фотографию своего твердого члена, засунутого в шорты, а затем еще одну - с рукой в боксерах и подписью: "Вот что ты делаешь со мной". Она трахала себя до одури под эти фотографии в течение двух недель, потом чувство вины поселилось в ней, и она написала ему сообщение, чтобы сказать, что они больше не смогут заниматься ничем подобным. Его ответ был прост. "Я не против. Но мы должны устроить первоапрельский

розыгрыш". После часа раздумий она согласилась.

И вот снова наступило апрельское дурачество, и Малкольм вернулся. Господи, Жасмин думала о некоторых очень плохих вещах, пока он сидел прямо перед ней.

Например, сейчас, когда он впервые осмелел за полдень.

"В чем ты хочешь меня видеть?" спросила Жасмин, краснея под его пристальным взглядом.

"Твой самый сексуальный наряд", - сказал он. "Что-то, что говорит о том, что ты самая сексуальная мама на этой гребаной планете".

"Язык", - мягко сказала Жасмин.

"Правда? Сейчас?" - спросил он с ухмылкой.

"Отродье", - сказала она и высунула язык. "Ты должен сформулировать это как вызов, иначе это не считается".

Малкольм хихикнул. "Хорошо. Я осмелюсь предложить тебе одеться, как ты и есть".

"Сейчас вернусь".

Жасмин старалась не бежать в свою спальню наверху, но это было почти невозможно. Она чувствовала себя головокружительно и более чем немного больной. Это было гораздо больше, чем просто переписка. Это граничило с изменой, и, учитывая то, как она думала - надеялась - пройдет день, это, вероятно, будет чертой, которую она тоже переступила. И дело было не в том, что она ненавидела своего мужа или сына. Фрэнсис был хорошим мужем, милым, веселым и хорошим отцом. Да, возможно, он принимал ее хорошую внешность как должное, и их секс стал несвежим, но это в равной степени касалось как ее, так и его. Она могла бы рассказать ему о своих фантазиях, и он бы воплотил их в жизнь.

Точно так же Лорен был хорошим сыном. Он знал, что его друзьям нравится смотреть на его сексуальную маму, и терпел это с довольно хорошим юмором. Конечно, были обычные подростковые переживания, и ей хотелось, чтобы он лучше учился в колледже, но в своей основе он был таким же добрым человеком, как и его отец. Для него это было бы почти таким же предательством, как и для Фрэнсис.

Если они узнают.

Жасмин рылась в шкафу, подыскивая подходящий наряд. Платье было слишком официальным. Ночная рубашка была слишком неформальной, хотя она определенно входила в список

возможных вариантов. Ее маленькое черное коктейльное платье? Ближе к цели. Жасмин положила руку на него, затем провела по ткани красного платья, которое она купила для круиза. Тонкие бретельки едва сдерживали ее грудь, а подол доходил до уровня чуть выше колен. В сочетании с туфлями на каблуках... да. Это было то, что надо.

Она торопливо переоделась, волны тепла пульсировали в ней. Ее киска умоляла о внимании, но она не могла ей этого дать, чтобы не позвать Малькольма в спальню и не сказать ему, чтобы он вбил ее в матрас прямо там и тогда. Нет, она хотела еще немного поиграть в эту игру и, возможно, отступить от края.

Да. Точно.

Жасмин несколько минут укладывала свои темно-каштановые волосы, поцеловала себя в зеркало и открыла шкаф, чтобы достать презервативы. Но... куда бы она их спрятала? Она не хотела показаться слишком отчаянной. Кроме того, Жасмин не собиралась трахаться с Малкольмом. Она и не собиралась. Она собиралась подразнить его и устроить ему шоу, а он, возможно, устроит его ей, и на этом все закончится.

И, возможно, они займутся петтингом.

Серьезным петтингом.

Тот факт, что Жасмин хотела, чтобы лучший друг ее сына кончил глубоко в ее теплую мокрую пизду, был едва уловим в ее сознании. Ее теплая... мокрая... незащищенная пизда.

Она сглотнула.

"О Боже, что я делаю?" прошептала Жасмин, глядя на себя в зеркало.

Ты собираешься позволить едва легальному жеребцу соблазнить тебя, а потом выебать твои мозги, вот что.

Она застонала во все горло и оттолкнулась от стойки в ванной, чтобы спуститься вниз, где Малкольм все еще томился на ее диване. При виде ее он раздвинул ноги и наклонился вперед.

"О... о... ничего себе...", - сказал он.

"Никогда в миллион лет, да?" спросила Жасмин.

"Д-да", - сказал он, внезапно превратившись в тень своей самоуверенности. "Черт, миссис Тейлор..."

"Я подумала, что это может быть слишком откровенно", - сказала она и, наклонившись, прижала локти к бокам груди. "Это не так, не так ли?"

"Нурх". Малкольм прочистил горло. "То есть... нет. Это... здорово".

http://erolate.com/book/2560/62258